

Серые муськи

Этот маленький мышинного цвета пушистый комочек попал в наш дом, можно сказать, случайно. За неделю до этого соседка, гуляя с внучкой, нашла замерзавшего на снегу котенка. Его попытались отогреть у комнатной батареи, но, видимо, переохлаждение было настолько сильным, что, несмотря на заботу и ласку, котенок почти не подавал признаков жизни. Только когда его брали на руки, он, не открывая глаз, начинал слабо мурлыкать... В конце концов, соседка заподозрила неладное — уж не смертельно ли большое животное принесли в дом. И опасаясь за здоровье внучки, решила от греха подальше вернуть все на свои места. Выбрасывать измученное существо вновь на холодный снег, правда, не стали. Его просто отнесли в другой подъезд (в родном могли покусать собаки, с которыми по пяти раз на дню хозяйка выходит на прогулку).

Каким образом через несколько дней тот же серый, но уже несколько оживший котенок вновь нарисовался на первом этаже нашего многоквартирного дома, никто никогда не узнает. На что он надеялся, возвращаясь в уже знакомое место, тоже объяснить невозможно. Но именно в тот холодный ноябрьский вечер я нашла под лестницей съездившийся, почти слившийся с цветом доломитовых плит пушистый шерстяной комочек. И что-то перевернулось в душе...

Домашние приняли пришлицу с пониманием. Единственной, кого неприкрыто возмущала перспектива грядущего дефека ласки, заботы, внимания и, разумеется, еды в тиске, была уже жившая у нас кошка. Несколько дней Басья демонстративно выражала свой протест воинственными криками и шипением, но... Муська, как назвали мы подкидыша, на провокации реагировать не собиралась...

«Друзья в масках»

Удивительно, но почти все кошки, жившие в нашей семье, попадали к нам «с улицы». Даже Басью, столь бурно отреагировавшую на появление непрошенной гостьи, в свое время подбросили к дверям квартиры моей коллеги, ведающей в редакции, по иронии судьбы, вопросами социальной защиты. Котенок был симпатичный, шустрый, ласковый и явно успевший пожить у кого-то в доме. Но бывшие хозяева, похоже, не спешили с поисками. Скорее всего, «живая игрушка» успела им порядком поднадоесть да и сопутствующие ее постепенному превращению во взрослую кошку неприятности, вроде изодранной когтями мебели, лужиц в неподходящих местах или разбитой любимой чашки, многим никакому оптимизму не внушают. Выход такие «любители животных» находят до избитости простой — выставить бедолагу за дверь, авось и сам проживет.

Вот и наполняются дворы и улицы год от года худыми, изъеденными микроспорией (или попросту лишаем), грязными и одичавшими «братьями нашими меньшими». Они роются в помойках, шныряют между торговыми рядами и ярмарках и заглядывают прохожим в глаза. Ведь почти все они знали когда-то ласку человеческих рук. Тех самых, что позже безжалостно обрели их на долгую мучительную смерть. Ибо специалисты называют максимальным сроком таких скитаний не более трех лет. Голод, болезни, бешено несущийся по нашим дорогам транспорт и прочие достижения цивилизации не оставляют шансов на большее.

Если же судьба «попадит» бедолагу и тот, несмотря ни на что, приспособится к полудикому образу существования, рано или поздно ему все равно не уйти от работников спецавтохозяйства, целенаправленно и планомерно занимающихся отловом и отстрелом бездомных животных.

Приютить бродячего щенка или котенка считается нынче чуть ли не гражданским подвигом. Еще бы! Мебель, ковры, хрусталь и бесчисленное барахло, которые переживут нас всех, давно уже считаются мерилом любви человеческих добродетелей. «Только богатые люди могут быть добрыми» — эту невестку кем придуманную сентенцию жизнь упрямо не желает подтверждать многочисленными примерами. Ибо беден не тот, у кого мало денег, а тот, кому этих денег не хватает.

Конечно, голубой «перс» или английский дог гармонируют с шикарным интерьером куда лучше, чем подобранный на дороге заморыш. Только ведь и бродячие доги у нас уже появляются, и бездомные ротвейлеры. Собачий «бум», начавшийся во времена орудовавшего в городе маньяка-убийцы со вполне оправданного желания населения хоть как-то уберечь себя от опасной встречи, с ростом материального и благосостояния населения получил дальнейшее развитие. Правда, привыкшие относиться к жизни как к нескончаемому процессу купли-продажи ново-

явленные «буржуа» меняют породы отслуживших им верой и правдой четвероногих охранников с не меньшей легкостью, чем расстаются с прежними женами, любовницами и надоевшей обстановкой собственных апартаментов...

Однажды, мне довелось увидеть роющуюся в мусорных бачках отошавшую афганскую борзую. Издали она походила на грязного, обросшего, одетого в лохмотья человека. Переворотив содержимое и не найдя в помойке ничего съестного, пес встал на четыре лапы, отряхнулся и побрел прочь, незаметно растворившись в ранних зимних сумерках. До сих пор при воспоминании меня не покидает ощущение какой-то необъяснимой жутки — словно в том холодном, сумеречном дворе в этой бездомной собаке при виде нас вдруг кончился человек.

А что, ведь считали же древние, будто людские души после смерти способны переселяться в животных. Что гордый лев или юркий хорек вполне могли быть когда-то нищими и монахами, ворами и судьями... Не без иронии мы разглагольствовали как-то на эту тему, когда в январскую стужу в нашей редакции появилось голодное и продрогшее существо, смахивавшее одновременно на спаниеля и черную болонку. Кашлявшее и чихавшее чудо-юдо с распухшей от простуды десной накормили, и, разомлев от тепла, пес заснул прямо посреди приемной. Вот тогда, глядя на посапывающего постояльца, один из сотрудников произнес:

— Ладно, пусть спит. Может, он тоже когда-то журналистом был, а мы когда-нибудь такими, как он, станем...

Если души после смерти и впрямь способны находить себе новую оболочку, трудно предугадать, кем суждено тогда стать моим сослуживцам. Однако пес прожил на нашем четвертом этаже месяц — никто не решился отправить его вновь на тридцатиградусный мороз. За это время он полностью доказал нам, что имел некогда хозяев, что в доме была машина и что сам он считался в семье любимцем. Какими судьбами угодил этот преклонных уже лет метис на улицу, мы, разумеется, понять не могли. В конце концов, его забрал из редакции один из наших читателей, откликнувшись на рекламу, которую пришлось дать в газете. Кстати, желающие приютить потерявшуюся собаку звонили в тот раз достаточно. Значит, все-таки мир не успел еще окончательно очерстветь душой...

В разные времена люди по-разному относились к прирученным ими существам, то поклонялись им как священным животным, то истребляли их как «сообщников» нечистой силы, то слагая о них легенды, то выводив в их образах человеческие пороки... Но во все времена тихо и незаметно собака и кошка шли рядом с человеком, спасая его в трудный час от врагов, предупреждая об опасности, да просто согревая душу теплом своего присутствия.

«Друзья в масках» называл Рабиндранат Тагор человека и животное, нашедших взаимопонимание. Мы в самом деле очень похожи на них. Просто на мгновение, длинной в человеческую жизнь, природа дает нам власть над менее защищенными и более слабыми. А они, испытав на себе наши самодурство и беспощадность, становятся похожи на людей, потерявших кров и утративших веру в разум силы. Остается еще надежда. Она, как известно, умирает последней...

...На угрожающий вой и шипение Муська не реагировала. После пережитого стресса, она, вообще, находилась в состоянии какой-то прострации и отрешенности. Во взгляде ее таилось то дикий страх, которое характерно для детей, не знающих родительской любви и считающих подвалы и чердаки отчим домом. В ней не было стремления укусь или поцарапать протянутую для ласки руку, но в первые недели новой жизни котенок всячески искал уединения. Стоило собраться в комнату шумной компании или щелкнуть экрану телевизора, как похожий на мохнатую гусеницу пушистый комочек, недовольно переваливаясь на тоненьких лапках, направлялся к двери и исчезал в темном коридоре. Шум Муськи не переносила патологически. Возвращение к нормальной жизни давалось ей с трудом.

Постепенно пришлось смириться с перспективой оставить обеих кошек у себя — «удочерять» нашу серую красавицу никто не желал. «С кошками, знаешь ли, мороки много. С ютами куда проще,» — так примерно мотивировали мои знакомые свое нежелание усложнять себе и так непростую жизнь.

Между тем, из заморыша с колючим выражением глаз наша дикарка начала превращаться в атаманшу, устроившуюся вместе с Баськой на ковре «борьбу нанайских мальчиков» и верховодившую во всех играх, заканчивавшихся, как правило, небольшим погромом. Муське до всего было дело. Она

умудрялась залезать в диван и прятаться на подоконнике меж цветочных горшков, прикрывая себя к стульям нитками разогнанных по всей комнате вязальных клубков и в пять минут разделялась с рыбой головой так, что на полу оставались лишь аккуратно обглоданные пластинки и чешуя... Ей нравилась независимость, но в чувстве неблагодарности упрекнуть ее было невозможно.

Имелась у нее еще одна «странность»: иногда, проснувшись под утро, я заставала Муську сидящей на краю стола и не то призывно, не то с тоской глядящей в открытую форточку на россыпи звезд в небе. Она будто ждала прилета инопланетного корабля или искала в небесной дали свет родной и знакомой звезды.

— Слушай, а ты случайно не инопланетянка? — в шутку спрашивала я ее иногда.

В ответ серая Муська только прижимала зеленые глаза и таинственно молчала...

Наименьшее из зол

Какая участь ожидала ее в том случае, если бы не пересеклись наши пути, предугадать нетрудно. Служба по отлову бродячих животных в городе работает исправно. И можно много рассуждать о гуманизме и жалости, но «кровь» в данном случае зачастую оказывается «меньшим из зол». В противном случае, рано или поздно население охваченных пандемиями бешенства и иных опасных заболеваний городов само возьмется за оружие. Возможно, страшными болезнями, носителями которых поневоле становятся преданные нами Дружки и Васьки, природа мстит человеку за бездушие и эгоизм. Только до многих ли это доходит?

По данным ветеринарного отдела городской администрации, только за прошлый год было умерщвлено 8773 кошки и собаки. Раньше цифра эта не поднималась выше 6 тысяч. Правда, она учитывает не только отловленных, но и добровольно сданных государству бывших домашних любимцев. Этих последних в итоговом показателе оказывается львиная доля — их легче учинить?

Причин такой сдачи много: неизлечимая болезнь животного (таких случаев набирается за год десятка два), аллергия на шерсть у хозяина или хозяйки, семейные конфликты из-за несовпадения точек зрения на пол, породу и методы воспитания «животных», смена места жительства владельца или его краткосрочный отъезд, влекущие за собой массу различных неувязок. Приют, который задумано построить в городе, чтобы хоть в какой-то мере упростить подобные проблемы, будет создаваться еще не один год из-за катастрофической нехватки средств. А между тем, за границей такие заведения давно считаются нормой цивилизованной жизни. И мне не очень понятны сегодня возражения против этого строительства тех, кто считает людские проблемы более важными в сравнении с проблемами четвероногих. Истинная нравственность не способна делить их таким образом. Может статься, отстроив приют для кошек и собак, мы скоро забудем о приютах для одиноких стариков — их просто перестанут бросать собственные дети...

Дети... Что откладывает на «потом» их неконтролируемая память? Из нашего удручающего сегодня они, вероятно, запомнят что-то более светлое и возвышенное, чем примитивные «ужасики» и кровавые «боевики». Но непременно они запомнят и унесут в будущее и жестокость нынешнего уклада жизни. Так что мама, которая без лишних сомнений отправляет нынче дочь или сына оставить в чужом подвезде надоевшую домашнюю кошку или щенка, может не сомневаться — вырастет, ее ребенок не станет мучиться угрызениями совести, избавляясь, как от ненужного хлама, от ставшей немощной матери. Реальное зло не проходит даром.

Как рассказывал мне начальник ветеринарного отдела В. Л. Цинковский, особенно много «подкидывшей» обнаруживают они у ворот Горветстанции по понедельникам. Несет-таки наше население несчастную животину «по адресу». Только вот на фоне такой берущей за душу «жалости» почему-то более оправданным кажется поступок человека, о котором рассказал мне тот же Владимир Логвинович:

— Привели к нам как-то мраморного дога. Прекрасный здоровый пес. Хозяин плачет, но требует, чтобы собаку при нем уничтожили. Говорит, что содержать ее в нынешние суровые времена не может... Предлагаем ему подыскать псу хороших надежных хозяев — не соглашается ни в какую. Говорит, что не хочет, чтобы его собака из прекрасных условий попала в неизвестные руки. Вот такой парадокс иногда встречается. А волю хозяина пришлось исполнить...

Мне трудно осудить или оправдать этот

поступок. Может, он действительно был в данной ситуации наименьшим из зол, которые способен причинить животному человек. Потому что с тех пор, как взял он в свои руки власть над природой, научиться злоупотреблять этой властью ему не составило большого труда.

Да, Америка и Запад раньше нас задумались о катастрофе, надвигающейся на землю. Да, цивилизованные англичане и американцы, говоря о найденных и пригнетых ими животных, называют их не «приблудными», как мы, а «adopted» («усыновленными», «принатыми» в семью). Да, «там» не проблема, как у нас, вызвать на дом ветврача, сделать четвероногому сложнейшую операцию, не говоря уж о рентгене, на который у нас не хватает пленки. «Они» всерьез заботятся даже о предотвращении появления на свет нежеланного потомства «серых мусек»...

Но даже все это вместе взятое не помешало американцам создать в Нью-Йоркском зоопарке особый каменный павильон с надписью над прочной толстой решеткой: «Самое опасное животное в мире». На задней стене его висит зеркало, в котором посетитель, приблизившись, видит себя. А затем читает идущую ниже аннотацию: «Вы видите самое опасное в мире животное. Оно единственное из всех может уничтожить (и уничтожает) все другие виды животных. Сегодня оно достигло силы, способной истребить жизнь на земле полностью.»

Мы способны на это в особенности. Потому что цену жизни в России не спрашивают даже у смерти. Потому что жизнь «серых мусек» есть отражение нашего с вами «существования»...

Как-то осенним днем я услышала в трамвае разговор двух пожилых женщин. Глядя на подброшенного кем-то в вагон котенка, одна из них произнесла:

— Это ж надо, такого кроху на холод выставить! Креста на людях нет!..

Не права была та женщина. Крестов наш народ повесил нынче на себя много. Только, видно, не тех. Крест, вывешенный на грудь в качестве модного украшения, оказывается, способен принести не меньше зла, чем разрушенный храм или сожженная обитель.

...А что касается серой Муськи, то она исчезла из нашего дома в один прекрасный день так же неожиданно, как и появилась. Денек в самом деле выдался чудесный, к тому же, 1 апреля. На улице светило солнце, в воздухе пахло весной и, видимо, учуяв этот пьянящий дух, Муська рванула навстречу неизвестности. Каким образом она это сделала, никто так и не догадался. Входная дверь оставалась в тот день закрытой да и, видно памятуя о прошлом, Муська боялась выходить даже на лестничную площадку.

Скорее всего, ей удалось улизнуть в ту самую открытую форточку, в которую она так любила смотреть по ночам на звезды... Мы так и не нашли ее, а сама она осенью не вернулась к родному порогу.

В подвезде наше время от времени продолжают появляться брошенные кем-то кошки и котята, у дворовой помойки бродят покурные дворняжки...

И глядя иногда в ночное звездное небо, я мечтаю не о переселении душ. Мне не хотелось бы, чтоб беззащитное существо, обретающее человеческий облик, получило возможность отыграть, в свою очередь, на других за преподанный в иной жизни урок. Я беспричинно и по-детски наивно хочу верить в то, что серая Муська дождалась-таки своих «инопланетян» и живет теперь где-то на далекой звезде, которой неизвестны предательство и жестокость, и где ей не надо бояться встречи с самым опасным во Вселенной животным — ЧЕЛОВЕКОМ.

В. ЗАСПИЧ.